

Общество знания: миграционный дискурс в плену капитала¹

Илья Касавин

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики, Московский городской педагогический университет

Адрес: 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, 129226 Российская Федерация

E-mail: itkasavin@gmail.com

Статья посвящена природе современного общества знания, которое характеризуется в первую очередь резким ростом интеллектуального капитала (образования, опыта, навыков, компетенций, ноу-хау, патентов, ценой персонала на рынке рабочей силы и пр.) в объеме капитализации крупного бизнеса. Общество знания — это общество высокой социальной динамики, воплощение миграционного архетипа, рационального дискурса и интеллектуального труда, по-новому реализующее известный тезис «Знание — сила». Теории общества знания, появившиеся в 1960-е годы, последние три десятилетия переосмысливаются, заново формулируются и обосновываются Нико Штером, известным немецким социологом и философом. В статье дается краткая презентация концепции Штера, высказываются аргументы в ее поддержку, а также выделяются некоторые белые пятна, которые остаются для нее необъяснимыми в свете социальных реалий последних лет. Делается вывод о том, что общество знания представляет собой значимую социальную тенденцию становления науки и техники как ведущей производительной силы. И в нем же усматривается форма городского дискурса свободы — когнитивная самореализация личности в спектре широких возможностей общественного блага как предмет эпистемологической урбанистики. Однако этой тенденции противостоит современный капитализм знаний (приватизация, «огораживание знания», в том числе с помощью патентов), а также высокая степень риска и неопределенности, доминирующая в современном мире.

Ключевые слова: общество знания, знание и информация, интеллектуальный капитал, городской дискурс свободы, эпистемологическая урбанистика, капитализм знаний, патенты, «огораживание знания», хрупкость общества

Власть знания: новая упаковка или новация по существу?

Широко известен проект взаимодействия науки и общества, нередко обозначаемый лозунгом «Знание — сила» и отсылающий к Фрэнсису Бэкону (Дмитриев, 2022; Касавин, 2020). Идея проекта провозглашала культурную и цивилизационную функцию науки по радикальному преобразованию общества XVII века. «Хорошее» общество мыслилось лишь как реализованная сила знания. Знанию приписывался статус рационального ядра общества и главной способности человека, которые призваны дать новый старт общественному развитию и благоденствию. Отсюда сила понималась нетрадиционно, не как средство удерживать и умножать завоеванное, а как способность к развитию, выходу за пределы дан-

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» («*Discursive transformations of a modern city: coordinates of Russian Urban Studies*»). <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

ного, бесконечное путешествие в неведомое, орудие прогресса. Следует подчеркнуть, что сила знания в «Новой Атлантиде» Бэкона требовала для своей реализации замкнутого пространства города-государства по типу античного полиса, в котором царит жесткая регламентация. В нем свобода предоставлена лишь непосредственно полезным «плодоносным опытам» (прикладному знанию), в то время как «светоносные опыты» (фундаментальное знание причин) содержатся в режиме гостайны.

Здесь продуктивная способность философского воображения, как обычно, противостояла фактическому положению дел. В те времена силой являлось во все не знание. Напротив, оно находилось на периферии общественного интереса и не обладало ощутимой эффективностью. Силу воплощала политическая власть монарха и крупных феодалов, а также влияние высшей церковной иерархии. Власть знания выступала откровенной утопией, но оказалась гениальным предвидением о подлинной природе власти и социальности вообще. Высший смысл всякого общества состоит в производстве культурных и интеллектуальных достижений. Именно они, а не золото, территории или подневольный труд, играют роль фермента общественного развития, обеспечивая человека пространством интеллектуальной миграции, рационально-дискурсивной организации деятельности. Самой мощной силой является власть над умами.

В XX веке к лозунгу «Знание — сила» относились уже как к констатации факта. Теперь на теоретической повестке стояла другая задача — ответить на кантовский вопрос, как возможен этот факт. Программа социологии научного знания решала эту задачу как обратную по отношению к бэконовской. Предстояло вывести фундаментальное знание (науку) из социальных отношений и образов, которые отвечают за производство знания (Bloor, 1976). Однако эта программа столкнулась с принципиальной трудностью. В наши дни наука развивается значительно быстрее общества, последнее фатально отстает и едва ли обладает необходимой объясняющей силой. В обществе трудно найти такие творческие силы, такие живые ферменты, которые бы придавали знанию невиданную ранее динамику. Попытки представить научную революцию XX века как проект модерна, результат бурного развития искусства и культуры в целом, оказались недостаточно обоснованными. Так, в частности, «тезис Формана» связывает Веймарскую культуру с новыми физическими теориями (Forman, 1971). Однако сама атмосфера индетерминизма, свойственная, по мнению автора, данной эпохе, не позволяет выстроить детерминистическую цепочку от искусства к науке, а вынуждает говорить о науке лишь как элементе данной атмосферы, не менее сильно влияющей на развитие искусства.

Параллельно с этим был пересмотрен (по сравнению с проектом Бэкона) режим функционирования и распространения фундаментального и прикладного знания. Первое было объявлено общественным благом (доступным для всех, свободно потребляемым неконкурентным товаром). Второе же, напротив, обеспечивало конкурентные преимущества и потому приватизировалось, получая юридическое «огораживание» в форме патентов. Парадокс в том, что оно тем самым тоже выво-

дилось за пределы конкуренции и обеспечивало монопольное положение на рынке, позволяя блокировать инновации и получать за счет этого сверхприбыли.

У Бэкона власть знания реализует себя во многом благодаря именно замкнутости города-государства, это «власть-в-крепости». Пусть знание приобретает в ходе свободной культурной миграции и реального путешествия в неведомые страны, однако оно дискурсивно артикулируется и даже распространяется лишь как оседлый, регламентированный, кодируемый и охраняемый феномен. Это во многом соответствовало статусу средневекового города, замка, монастыря, университета, обеспечивавших своими стенами безопасность оседлых жителей. Лес, поле — это, напротив, территория свободы, возможность и спрятаться, и реализовать себя без всякой регламентации, и голову потерять. Всякая миграция средневекового купца, моряка, воина, монаха, ремесленника, артиста, врача предполагает перемещение *между* городами со всеми сопутствующими рисками и приобретениями.

Современная ситуация рисует нам совершенно иную картину. С одной стороны, именно город, в котором размещены исследовательские и образовательные институты, притягивает к себе субъекта познания, побуждает его на миграцию *не из города, а в город*. Большие города — это большие возможности выбора, полигон навигации и самоорганизации, территория свободы, в которой можно как затеряться, так и найти себя. С другой стороны, регламентация городской жизни канализирует человеческое поведение, забрасывает человека на территорию правил, в «движение по полосам и светофорам». Да и сама наука выступает как «фабрика знания», в которой рутина часто доминирует над творчеством. Отсюда неизменная составляющая мировой науки — научная мобильность (*миграция между городами*), позволяющая исследователю вырваться из локального сообщества с его стандартами и парадигмами, приобщиться к иным каналам коммуникации и картинам реальности. В целом такой ракурс анализа, когда знание, наука рассматриваются в инфраструктурном и институциональном контексте города, как форма городского дискурса, может быть обозначен термином «эпистемологическая урбанистика». Когда же в фокус внимания попадает познавательный процесс на фоне пространственного перемещения субъекта, путешествия и приключения, то можно говорить о «миграционной эпистемологии». Есть основания полагать, что эти два подхода находят в отношении дополнительности.

Итак, сегодня прогресс наук (включая социальные и гуманитарные) и технологий в значительной мере определяет общественный прогресс (со всеми оговорками по поводу дискуссионности данного понятия), а не наоборот. Одновременно знание, будучи ядром новых производительных сил (если использовать терминологию К. Маркса), находится в плену старых производственных отношений. С одной стороны, знание превращает пространство в «жидкий мир» (З. Бауман), обеспечивая миграцию информационных потоков, технологический трансфер и беспрецедентные коммуникационные возможности. С другой же стороны, частнособственнический интерес табуирует свободное распространение знания,

способствует его «оседлости», закреплению научного дискурса на территории патента и вынуждает служить не общественному благу, а экономическому и политическому господству.

Нико Штер — лидер мнений

Все это является предметом интереса Нико Штера (Nico Stehr) — выдающегося философа, социолога, гуманитария широкого профиля, публичного интеллектуала. Его фигура, небезызвестная в российских интеллектуальных кругах, все же заслуживает краткой биографической справки. Штер родился 19 марта 1942 года в Берлине. После окончания гимназии поступил в Кельнский университет, где завершил обучение со степенью магистра по экономике под руководством Рене Кёнига. В 1970 году Штер отправился по программе Фулбрайта в США и получил степень доктора социологии в Орегонском университете, а с 1967 по 2000 год преподавал в американских и канадских университетах. До возвращения в Германию он состоял научным сотрудником в Институте перспективных исследований Питера Уолла при Университете Британской Колумбии в Ванкувере (Канада). В 2002–2003 учебном году Штер был гост-профессором им. Пауля Лазарсфельда в Венском университете. Одновременно он работал старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института устойчивого развития Университета Британской Колумбии, Ванкувер (Британская Колумбия), научным сотрудником Центра передовых исследований гуманитарных наук, Эссен (Германия), редактором основного им Канадского социологического журнала (до 2006 года). В 2011 году Штер создал Европейский центр исследований устойчивого развития (ECS) при Университете Цепелина, Фридрихсхафен (Германия). С августа 2013 по июнь 2018 года — заведующий кафедрой коммуникаций и культурного менеджмента в том же университете, с 2018-го — профессор эмеритуС. За свои научные достижения Штер удостоен звания члена Королевского общества (Канада) и Европейской академии наук и искусств².

Исследовательские интересы Нико Штера изначально были инициированы экономикой и правом, но быстро приобрели более широкий характер. По его собственному убеждению, сильное впечатление на него производили работы социальных ученых-эмигрантов, примером которых выступал К. Мангейм. Помимо него и других классиков социологии вроде Э. Дюркгейма, М. Вебера и Р. Мертона, на Штера оказали особенно значимое влияние Н. Элиас, П. Друкер, Д. Белл и П. Лазарсфельд. Если поставить задачу определить место трудов Штера в контексте эволюции социальных наук XX–XXI веков, то она окажется крайне трудной в силу синтетической и междисциплинарной природы его исследований. Во многом эта задача будет решаться разными авторами в силу их собственных склонностей и теоретических интересов. Социологи причислят его к традиции, идущей

2. Более подробно о Нико Штере см.: Adolf, 2018.

от Бэкона, т. е. к ряду авторов, которые открыли специфику современных обществ в беспрецедентном влиянии знания и науки на политику, экономику и культуру. И тогда труды Штера окажутся этапом развития теории постиндустриального и информационного общества или вариантом постмодернистских исследований в стиле З. Баумана или Э. Гидденса. При этом Штер, вероятно, будет категорически разведен с Б. Латуром и его идеей кризиса социологии. Социологи знания и научного знания, в частности, могли бы провести линию от марксизма через К. Мангейма к «сильной программе» Б. Барнса и Д. Блура и указать, что он внес вклад во все три (или уже более) волны развития этого направления (Столярова, 2015). Специалисты в области STS (Science and Technology Studies; Science, Technology and Society) причислят его к своим коллегам по аналогии с Д. Маккензи и его анализом финансовых рынков (Mackenzie, 2006). В равной мере то же могут сделать и сторонники критической социальной эпистемологии в лице С. Фуллера, свыше 30 лет тому назад уже написавшего рецензию на книгу Штера (Fuller, 1991).

Сегодня исследования Штера продолжают наиболее оригинальную линию, намеченную им и Гернотом Бёме в книге «Knowledge Society» (1986). Они сфокусированы на трансформации современных обществ в общества знания и изменениях в основных социальных сферах (наука, политика, управление, экономика, неравенство и глобализация). Кроме того, они касаются социальных последствий изменения климата. Штер является одним из авторов доклада Хартвелла (Hartwell Paper, 2010)³ по климатической политике. Штер опубликовал более 25 книг, ряд его работ переведены на русский язык, в том числе «Погода. Климат. Человек» (2011), «Власть научного знания» (2015), «Знание — сила? Что мы знаем о знании» (2017), «Информация, власть и знание» (2019)⁴.

Нико Штер — не только академический социальный ученый и организатор науки, но и гений общения: дружелюбный, интеллигентный человек, коммуникативный круг которого чрезвычайно широк и разнообразен. Я имел удовольствие не раз наблюдать Нико за работой на семинарах в Университете Цеппелина, где мне также посчастливилось выступать с докладом, и у него дома. В университете — на кафедре, в аудитории, в столовой, в коридоре он был всегда окружен молодыми учеными. Это общение продолжается в ресторане, на набережной Боденского озера, в его гостеприимном доме в небольшом городке Ванген-им-Альгой. И в этом проявляется особенность исследовательской работы и публикационной стратегии Штера. Она среди прочего состоит в том, что он охотно сотрудничает с коллегами, причем его роль как генератора идей не подвергается сомнению. Коллеги и ученики, изучающие разные проблемы и аспекты науки, техники и современного социума, встраивают в его концептуальный каркас свои теории и данные, а он, со своей стороны, вникает в эти детали и развивает свои исходные концептуальные построения. Штер изначально дал блестящий пример того, как нужно

3. https://eprints.lse.ac.uk/27939/1/HartwellPaper_English_version.pdf

4. Среди опубликованных в России статей, рецензий и обзоров, посвященных работам Штера, выделим: Тухватулина, 2015; Machin, 2018; Савченко, 2023.

работать с фактами. Интересно наблюдать его в процессе подготовки очередного труда. Весь его кабинет заставлен стопками книг с закладками, кипами ксерокопированных статей, испещренных пометками, на полу разложены схемы, графики и диаграммы, на столе — два ноутбука, подключенных к разным базам данных, а телефон звонит, когда Штеру нужно уточнить какую-то деталь или фамилию у одного из своих коллег на любом из континентов. Штер не стесняется соавторства со своими коллегами, в том числе бывшими аспирантами, многие из которых уже на профессорских должностях. Неудивителен в этом случае и междисциплинарный характер практикуемого им дискурса на стыке социологии, эпистемологии и философии науки, экономики, истории, психологии, политических и культурологических исследований. Это один из лучших примеров того, какие результаты может дать широко понимаемая программа «Science and Technology Studies», или, в другой версии, «Science, Technology and Society». Книги Штера практически одновременно, в разных или идентичных версиях издаются на английском и немецком языках, обеспечивая широчайшую аудиторию.

Современное общество: знание как развитие

Теория обществ знания, особый вариант которой сформулировал Нико Штер⁵, возвращает нас к идее Бэкона. Наша современность — эпоха власти знания. Делая его предметом своего анализа, Штер отказывается от принятого в аналитической эпистемологии абстрактного подхода, в котором знание понимается как обоснованное истинное убеждение. Вместо этого он предлагает его социологическое определение как *способности к действию* (knowledge as an ability to act) и детально рассматривает функционирование знания в многообразных экономических, политических и социальных контекстах. Знание, по Штеру, следует отличать от информации, хотя их различием нередко пренебрегают. Например, распространена такая точка зрения: информация является подвидом знания, которое уменьшено и преобразовано в сообщения, транслируемые между агентами принятия решений. Штер предлагает другой подход: содержание информации в первую очередь относится к *свойствам продуктов или результатов* (атрибутам), в то время как содержание знания характеризуется *качеством процессов* (Штер, 2024: 90). Аргументы в пользу данной позиции, если их кратко обобщить, сводятся к следующему. Производство знания в анализе распадается на два взаимосвязанных сегмента. Это, во-первых, сам процесс, обусловленный субъектом познания и контекстом производства. Во-вторых, это объективированные результаты познания, которые отчуждены от субъекта, обезличены и могут быть выражены количественно. Само собой, что результаты используются в ходе процесса, а сам процесс как бы свернут в результате. Однако строго по правилам, в пределе — алгоритмически исполь-

5. Перевод книги Штера (Stehr, 2023), который готовится к изданию в настоящее время, посвящен тридцатилетию его теории, существенно пересматривая и дополняя ранние подходы и аргументы автора (Stehr, 1994), при этом сохраняя и развивая основные идеи.

зуются лишь отдельные фрагменты информации. И, напротив, операции со знанием в значительной мере скрыты в «черном ящике» субъективности. Несколько огрубляя, предлагаемое Штером различие между знанием и информацией можно сравнить с известным противопоставлением контекстов открытия и обоснования (Х. Райхенбах), а также с различием дискурса и текста (Касавин, 2008). Вполне логично, что Штер, занимая позицию не эпистемолога и философа науки, а именно социолога, считает необходимым обращать внимание на процесс производства знания, пусть даже и средства его анализа не отличаются совершенством. Это позволяет ему обнаружить тот факт, что современная экономика знания «не видит» знания, ограничивая свой интерес информацией. Отсюда и неспособность учесть (в том числе и собственно экономическое) значение немалой части интеллектуального капитала, которая представляет собой не алгоритмы, а навыки, компетенции, ноу-хау. И здесь неожиданно и эпифеноменально выявляется эпистемологический смысл социологического определения знания как *способности действовать*. Он предполагает исследование познающего субъекта и его деятельности в динамике, во всем противоречивом многообразии их культурных и социальных измерений.

Именно сложность феномена знания и объясняет, почему власть знания автоматически не гарантирует прогресс: знание оказывается феноменом как с положительным, так и с отрицательным знаком. Иллюзии эпохи Просвещения разрушены. «После Аушвица» (Ж.-Ф. Лиотар) граница между рациональностью и бесчеловечностью стала проницаема. Пусть состояние политической и экономической жизни определяется объемом человеческого (интеллектуального) капитала: именно из него состоит до 90% капитала таких компаний, как Amazon, Microsoft, Google, Nvidia, выраженного в стоимости их акций⁶. Так что и власть крупных корпораций обязана увеличению роли знания в капитале, концентрации и монополизации знания в руках немногих. Фирмы-суперзвезды, большинство которых располагается в США, извлекают суперприбыли из своего положения и не готовы им поступиться. Знание, будучи лишь интеллектуальной властью, обнаруживает свои экономические слабости. Так, оно поддается «огораживанию» с помощью патентов, и крупнейшие фирмы используют этот механизм табуирования знания, ограничивающий инновации и сужающий пространство свободного рынка. Штер подробно документирует тезис о сохранении экономической сущности современного капитализма как власти немногих богатых над многими бедными. Это прослеживается как на международном уровне, так и самих Соединенных Штатов, где усиливается социальное расслоение. Россия упоминается в книге Штера только один раз: «Соединенные Штаты в 2010 году были самым крупным бенефициаром, в то время как Россия (не представлена в таблице) почти не полу-

6. В популярной литературе нередко характеризуют финансовые деривативы (акции в т.ч.) как «мыльные пузыри», которые периодически «лопаются» и потому не могут быть формой «надежного» капитала. Однако рыночные колебания цен — естественный и неизбежный фактор экономической жизни при капитализме. Они так же относятся к недвижимости, драгоценным металлам, полезным ископаемым и цене самих денег.

чала средства из-за рубежа на интеллектуальную собственность, контролируемую страной» (Штер, 2024: 153).

Штер формулирует то, что можно назвать *парадоксом* экономики знаний. С одной стороны, знание является общественным благом, или товаром, выведенным за пределы конкуренции. Интеллектуальные активы подлежат бесконечному обмену, продаже или иному использованию, и при этом не происходит их окончательного отчуждения от автора или владельца. Знание обладает свойством потенциальной или актуальной доступности. Оно в состоянии свободно мигрировать между социальными акторами, не уменьшая своего содержания, пронизывать социальное пространство, создавая информационные каналы для возможного, идеального перемещения товаров и услуг. Знание «потенциально демократично и эгалитарно, но в то же время предлагает корпорациям беспрецедентные возможности финансового капитала — концентрацию богатства и монопольную власть» (Pagano, 2018: 355).

В то же время Штер многократно ссылается на Удо Пагано для подтверждения своего тезиса о том, что в силу частной собственности на знание оно используется фирмами-суперзвездами для укрепления своего монополистического положения на рынке и умножения собственного интеллектуального капитала, цена которого в форме акций на мировых финансовых рынках все больше возрастает. Он привлекает внимание к немислимому, казалось бы, обстоятельству: в обществе знания продолжают властвовать те же силы, которые должны были быть если и не полностью дезавуированы, то хотя бы существенно потеснены властью интеллектуального капитала. Однако знание, обретая форму капитала, становится так же несвободно, как и английская королева, которая царствует, но не правит.

Примечательно, что приводимые Штером факты вносят определенную ясность в экономическую и социальную ситуацию, которую сегодня переживает Германия. Она сильно отстает от США, Японии, Кореи и заметно — от Великобритании и Франции по росту интеллектуального капитала, в частности, по количеству патентов. Еще недавно самая мощная экономика Европы, Германия в 2023 году показала снижение ВВП на 0,3 процента и стала единственной страной «Большой семерки» с отрицательным ростом. В качестве причин этого специалисты отмечают среди прочего слабую степень цифровизации экономики и социальной сферы, дефицит высококвалифицированных кадров и инертность экономического и бюрократического менталитета. Есть основания полагать, что анонсированная в январе 2024 года либерализация закона о гражданстве имеет своей целью частично компенсировать эти проблемы за счет специалистов-мигрантов. Штер не без оснований делает утверждение о «хрупкости» (fragility) современного общества знаний. Однако ситуация в Германии демонстрирует хрупкость как раз развитого индустриального общества, столкнувшегося с вызовами современности. Неожиданный дефицит энергоресурсов, колебания фондового рынка, значительный сегмент традиционного сельскохозяйственного производства, сильная социальная политика — все это не связанные друг с другом, но негативно влияющие

факторы. Они показывают, что развитое индустриальное общество, чтобы разрешить противоречия, непреодолимые в своих собственных рамках, вынуждено выходить за свои пределы, становиться информационным, постиндустриальным обществом знания.

Другая тенденция, отмечаемая Штером, настраивает на более оптимистиче-ский лад, но в целом не меняет общую картину. Одновременно с развитием моно-полистического капитализма знаний возрастает общественное влияние и свобода индивида, вооруженного знанием. В частности, вся повестка климатических изме-нений и их глобальной угрозы инициирована отдельными учеными — публич-ными интеллектуалами, демонстрирующими высокую степень ответственности за судьбы человечества. В какой мере их индивидуальные усилия, пусть и полу-чающие широкий общественный резонанс, способны противостоять власти круп-ных монополий и государственной бюрократии, остается под большим вопросом. Это и вопрос о природе и перспективах современной демократии, которая балан-сирует на грани с авторитаризмом и все меньше соответствует своему изначаль-ному понятию «власть народа».

Вместе с тем современная ситуация предлагает неожиданные контраргументы к концепции общества знания. Так, лидерство Америки в области роста и накоп-ления интеллектуального капитала, высоких технологий служило веро в ее гео-политическое и военное превосходство. В частности, не раз оказывалось, что тех-нологии обеспечивают способность вооруженных сил США совершать быстрые и успешные военные операции. Сегодня этот тезис обнаруживает свой сомни-тельный характер хотя бы на примере конфликта в Красном море. Пока не про-сматривается технической возможности принудить к миру йеменских хуситов, хотя ситуация чревата блокированием морских грузовых перевозок и драматиче-скими экономическими последствиями для стран, поддерживающих израильскую войсковую операцию в Газе. Особенности йеменской географии, обеспеченность пусть и не слишком продвинутым вооружением и концентрация религиозно-по-литической власти позволяют хуситам противостоять мировым технологическим лидерам, поддерживать напряженность в ключевом регионе и оказывать суще-ственное влияние на мировую политическую и экономическую повестку. Тем са-мым, как и во времена Бэкона, главной силой оказывается вовсе не знание, а поли-тическая и религиозная воля.

Итоги

Так каковы же результаты, социальные последствия силы знания, воплощенной в науке и технике? К счастью, мы пока не осведомлены об этих итогах и нико-гда не узнаем о них в окончательном варианте. Однако уже сегодня амбивалент-ность науки и техники встает во весь рост. Не говоря о практических преиму-ществах и проблемах, которые очевидны, современная ситуация ставит вопрос, известный еще во времена Сократа. Что значит власть над умами? Просветление

или смущение умов? Штер отвечает на этот вопрос так: «...Мы можем заключить, что рост и более широкое распространение знания парадоксальным образом порождает, скорее, большую неопределенность и случайность, чем “притязания на объективное знание” и основанное на нем разрешение социальных разногласий или более успешное господство» (Штер, 2024: 141). Это важнейший вывод, характеризующий современный рационализм и гуманизм, отказывающиеся от безусловного культа знания, разума и науки. Любой культ может и должен быть предметом критической рефлексии и даже противодействия. И потому «хорошее» общество знания — это такое общество, которое ответственно относится к знанию и требует разумной, квалифицированной ответственности за политические и экономические действия. Просвещенность власти и действенность знания идут в таком обществе рука об руку. Штер, говоря о современном, реально существующем обществе знания, выявляет свойственные ему противоречия и подвергает его резкой и обоснованной критике. Основой этой критики является более глубокое знание о знании и знании об обществе, предлагаемое автором и выдвигаемое им в качестве актуальной и перспективной исследовательской программы. Данная критика обладает не только дескриптивным содержанием, не только вскрывает наиболее сложные проблемы современной цивилизации. Она также убеждает в том, что во многом их решение находится в наших руках, во власти людей, производящих и распространяющих знание на территории свободы.

Литература

- Дмитриев И. С. (2022). Остров концентрированного счастья. Судьба Фрэнсиса Бэкона. М.: Новое литературное обозрение.
- Касавин И. Т. (2020). Наука как политический субъект // Социологические исследования. № 7. С. 3-14.
- Касавин И. Т. (2006). Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. № 4. С. 5-16.
- Савченко И. А. (2023). Вектор Штера: знание в координатах города // Эпистемология и философия науки. № 4. С. 173-189.
- Столярова О. Е. (2015). Исследования науки и технологии в перспективе онтологического поворота. М.: Институт философии: РусайенС.
- Тухватулина Л. А. (2015). Власть под вывеской науки // Эпистемология и философия науки. № 3. С. 246-253.
- Штер Н. (2024). Общества знания / Пер. и ред. И. Т. Касавина. М.: Центр гуманитарных инициатив. (в печати)
- Bloor D. (1976). Knowledge and Social Imagery. L: Routledge & K. Paul.
- Bell D. (1964). The post-industrial society // Technology and Social Change / Eli Ginzberg (ed.). New York: Columbia University Press. P. 44-59.
- Drucker P. F. (1969). The knowledge society // New Society. Vol. 13. P. 343.

- Forman p.* (1971). Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918-1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment // *Historical Studies in the Physical Sciences*. Vol. 3. P. 1-115.
- Fuller S.* (1991). Knowledge and Politics: The Sociology of Knowledge Dispute (Volker Meja and Nico Stehr eds.). *Philosophy in Review*. Vol. 11. № 4, 1. P. 275-7.
- Machin A., Stehr N.* (2018). On the power of scientific knowledge. Interview with Nico Stehr // *Epistemology & Philosophy of Science*. № 1. P. 19-22.
- MacKenzie D.* (2006). *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Marian A.* (ed.) (2018). *Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge*. Cham: Springer. P. 17-31.
- Pagano U.* (2018). Knowledge as a global common and the crisis of the learning economy // *Joseph Stiglitz and the Twenty-First Century Economics* / M. Guzman (ed.). New York: Columbia University Press. P. 353-373.
- Stehr N.* (1994). *Knowledge Societies*. L.: Sage.
- Stehr N.* (2023). *Understanding Society and Knowledge*. Northampton, Mass.: Elgaronline.

The Knowledge Society: Migration Discourse Captured by Capital

Ilya T. Kasavin

Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Expert of the Project Office of Humanitarian Analytics, Moscow City Pedagogical University

Address: Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, 4, Moscow, 129226 Russian Federation

E-mail: itkasavin@gmail.com

The article focuses on the nature of the modern knowledge society, which is characterized, first of all, by a sharp increase in intellectual capital (education, experience, skills, competencies, know-how, the price of personnel in the labor market, patents, etc.) in the amount of capitalization of large business. The knowledge society is a society of high social dynamics, the embodiment of the migration archetype, of rational discourse and intellectual work, which realizes the well-known thesis "Knowledge is power" in a new way. The last three decades, Nico Stehr, a well-known German sociologist and philosopher has been rethinking, reformulating, and substantiating the theories of the knowledge society, which appeared in the 1960s. The article investigates Stehr's concept, expresses arguments in its support, and highlights some blank spots that remain inexplicable for him in the light of the social realities of recent years. The conclusion runs that the knowledge society represents a significant social trend in the formation of science and technology as a leading productive force. It also manifests a form of the urban discourse of freedom — the cognitive self-realization of the individual in the spectrum of wide possibilities of the public good as a subject-matter of epistemological urban studies. However, this trend is countered by modern knowledge capitalism (privatization, fencing off of knowledge, including that with the help of patents), as well as by the high degree of risk and uncertainty that dominates the modern world.

Keywords: knowledge society, knowledge and information, intellectual capital, urban discourse of freedom, epistemological urban studies, knowledge capitalism, patents, fencing off of knowledge, social fragility.

References

- Bloor D. (1976) *Knowledge and Social Imagery*, London: Routledge & K. Paul.
- Bell D. (1964) The post-industrial society. *Technology and Social Change* (Eli Ginzberg ed.), New York: Columbia University Press, pp. 44-59.
- Dmitriev I. S. (2022) *Ostrov koncentrirovannogo schastya. Sudba Frensisa Bekona*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Drucker P.F. (1969) The knowledge society. *New Society*, vol. 13, pp. 343.
- Forman p. (1971) Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918-1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment. *Historical Studies in the Physical Sciences*, vol. 3, pp. 1-115.
- Fuller S. (1991) Knowledge and Politics: The Sociology of Knowledge Dispute (Volker Meja and Nico Stehr eds.). *Philosophy in Review*, vol. 11, no 4, 1, pp. 275-7.
- Kasavin I.T. (2020) Nauka kak politicheskij subject. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 3-14.
- Kasavin I.T. (2006) Diskurs-analiz kak mezhdisciplinarnyj metod gumanitarnyh nauk. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no 4, pp. 5-16.
- Machin A., Stehr N. (2018) On the power of scientific knowledge. Interview with Nico Stehr. *Epistemology & Philosophy of Science*, no 1, pp. 19-22.
- MacKenzie D. (2006) *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*, Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Marian A. (ed.) (2018) *Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge*, Cham: Springer, pp. 17-31.
- Pagano U. (2018) Knowledge as a global common and the crisis of the learning economy/ *Joseph Stiglitz and the Twenty-First Century Economics* (Martin Guzman ed.), New York: Columbia University Press, pp. 353-373.
- Savchenko I. A. (2023) Vektor Shtera: znanie v koordinatah goroda. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no 4, pp. 173-189.
- Stehr N. (1994) *Knowledge Societies*, L.: Sage.
- Stehr N. (2023) *Understanding Society and Knowledge*, Northampton, Mass.: Elgaronline.
- Stehr N. (2024) Knowledge societies. M.: Center humanitarian initiatives (in print). Translated and edited by Ilya Kasavin.
- Stolyarova O. E. (2015) *Issledovaniya nauki i texnologii v perspektive ontologicheskogo povorota*, Moscow: Institut filosofii: Rusajens.
- Tukhvatulina L. A. (2015) Vlast pod vyveskoj nauki. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no 3, pp. 246-253.